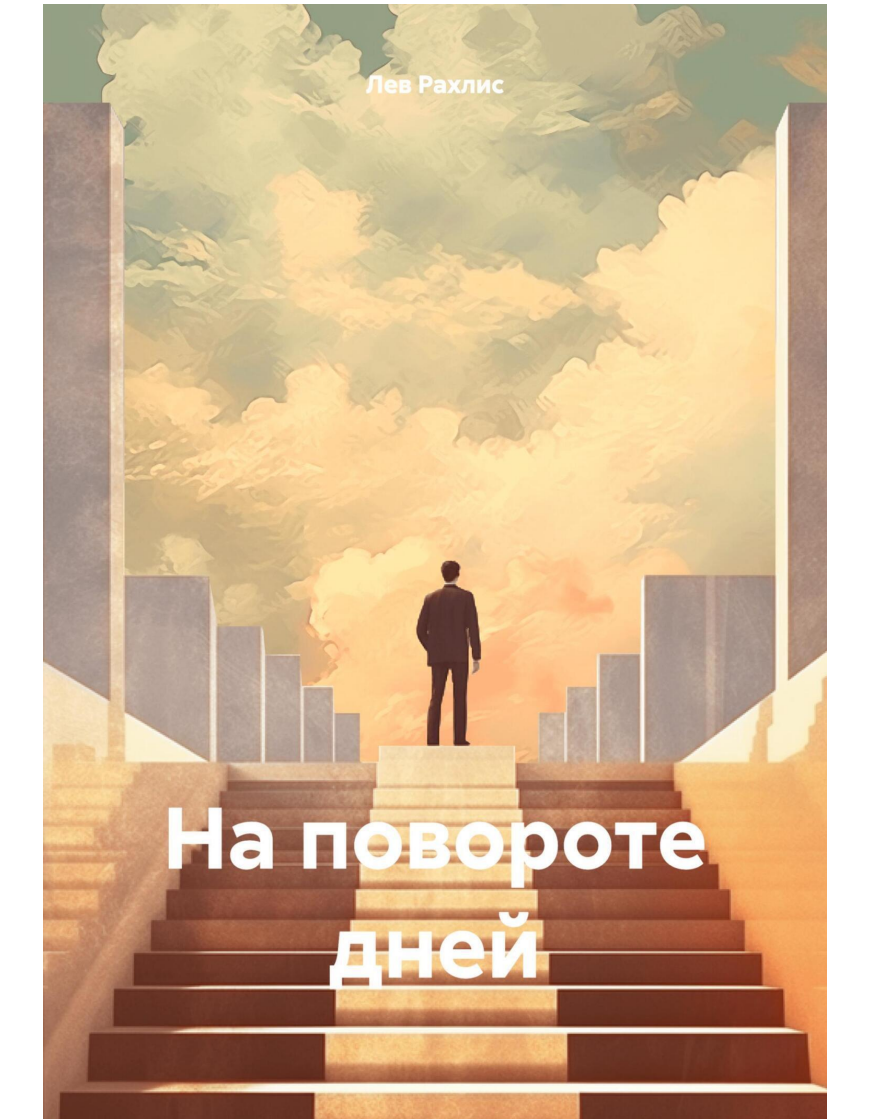


Лев Рахлис



На повороте
дней

Лев Рахлис

На повороте дней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70164526

SelfPub; 2023

Аннотация

Говорят, читатель нынче пошёл не такой, каким был когда-то. Ранешный читатель заглывал, бывало, килограммовую книгу, как пирожок – в один присест. И удовольствие от этого получал изрядное. Тому много свидетельств исторических имеется. Недавно, совсем случайно, а может быть, и неслучайно, Гоголя перечитывал. Просто так, интересно всё же свои школьные годы попроведать. И хотя чтение, как известно, занятие не из лёгких, Русь завсегда своими читателями славилась. Случалось даже, первые места занимала по части прочитанного на душу населения. Любители макулатурных изданий ночи напролёт, бывало, в очереди простаивали, чтобы заветный томик какого-нибудь популярного писателя заполучить. Нынешний же читатель, в особенности который в иммиграции, конечно, не такой выносливый. До четырнадцатой страницы, ежели и дотянет, то сразу же отдышка у него начинается, зевота наступает и в сон нестерпимо клонит. Редуют ряды книгоцеев, любителей русской изящной словесности. Хоть в Красную Книгу заноси.

Лев Рахлис

На повороте дней

На любителя. Встреча с писателем

От автора

Начну с небольшого путешествия по страницам нескольких номеров

литературного альманаха, который так и называется – «**На любителя**».

Открываю первый попавшийся наугад номер.

Вот отрывок из стихотворения **Кирилла Ковальджи**:

«Меня оперировали

С наркозом и без наркоза.

Удалили Сталина,

Пришили Хрущева,

Вырезали социализм,

Атеизм, дружбу народов,

Подключили церковь, рынок,

Ампутировали романтику,

Открыли секс»...

А дальше – больше: бездонный мир поэзии интереснейшего поэта, в который я и попытался без суеты и спешки погрузиться.

А вот еще один фрагмент – из романа **Ю.Мамлеева**:

«Оскар Петрович Лютов, когда еще был во чреве матери, хохотал. Точнее, Бог ему судья, сама мамаша утверждала так, потому что постоянно видела его во сне хохочущим, первый раз – месяца за два до родов. Но зато из Оскара Петровича получился впоследствии большой ученый»...

Эти несколько строчек, когда я к ним прикоснулся, побудили меня прочесть залпом весь отрывок, опубликованный в альманахе. И я не пожалел, потому что проза оказалась высочайшей пробы.

А вот что-то уж совсем знакомое, времен моей юности:

«Сижусь на нарах,

Как король на именинах,

И пайку серого желаю получить.

Сижусь, гляжусь в окно,

Теперь мне все равно,

Я никого уж не в силах полюбить»...

Всегда считал – песня народная. Выяснилось – ничего подобного! У блатной, вроде бы анонимной песни есть автор, поэт, которого не спутаешь ни с кем – **Глеб Горбовский!**

И так в каждом номере альманаха открывается для меня нечто такое, мимо чего уж никак не пройти: хочется задержаться, постоять, подумать.

И все это благодаря человеку, который в силу своей, я бы сказал, некоторой старомодности, что ли, не утратил вкус к слову, к поэзии, к литературе, и издает свой, тоже несколько

по нынешним временам старомодный журнал самым что ни на есть старомодным способом – без единой рекламы.

Для читателя-то это, возможно, и хорошо, а вот каково издателю?

Но об этом лучше всего спросить у самого издателя. Пусть лучше он сам и расскажет о себе и о своем детище.

Последним поездом

Рассказывает **Геннадий Петрович Сквиренко**

В какой-то момент, уже находясь здесь, в Атланте, я пережил очень тяжелый кризис, когда однажды понял, что безнадежно отстал от литературного процесса, происходящего в России. Новая литература, новые имена. Новые веянья. И, оказавшись в растерянности, я не знал, как можно запрыгнуть на последнюю подножку последнего вагона последнего уходящего поезда.

И вдруг такая идея, вроде бы случайная на первый взгляд, но в то же время и закономерная – журнал.

Еще живя в Кишиневе, я делал какие-то издательские попытки, но не очень, прямо скажем, успешные. Я тогда не мог расстаться с мыслью о том, что издание должно кормить издателя. Понадобилось какое-то время, чтобы отказаться от этой иллюзии. И вот когда я понял, что деяние такого рода – это детище любви, а не расчета, тогда я и решился на такой вот непростой поступок – запрыгнуть на последнюю подножку последнего вагона последнего уходящего поезда,

каковым и стал для меня журнал.

С миру – по нитке

Для каждого профессионального литератора издание собственного журнала или газеты – одно из мечтаний.

Я работал во многих газетах, во многих журналах и в принципе кухню издательскую освоил. С точки зрения профессиональной я как бы был к этому подготовлен. Но условия жизненные не позволяли.

Думаю, что только в Америке это можно осуществить. Потому что сами по себе расходы на издание, если все делать самому, не велики. Я укладываюсь в смету зарплаты моей жены. Нашлись еще и люди, которые стали мне немножко помогать: кто деньгами, кто бумагой, кто множительной техникой. Как говорится, с миру – по нитке.

Почему небольшой тираж?

Потому что мы отказались от общепринятой идеи, что тираж делается так, как, скажем, рыба мечет икру. Наугад. Что выживет, то и выживет. Наш журнал распространяется по заявкам. Бесприцельного икрометания у нас нет. Мы знаем, для кого делаем, и тот, кто заказал, знает, что он собирается получить. Здесь происходит стопроцентный контакт с читателем и стопроцентная обратная связь.

Сейчас наш журнал формируется в основном из разделов прозы и поэзии. Есть раздел с литературными заметками,

есть раздел с юмористическими материалами, детская страница.

А начиналось все это, как вы понимаете, не сегодня.

Как я учился?

Дорога к самому себе оказалась довольно извилистой, со спусками и подъемами.

Учился я поначалу в Ленинградской Военно-воздушной инженерной академии имени Можайского. Получил досрочно офицерское звание. Но ситуация армейской жизни вскоре оказалась мне не по нутру.

Тут я вспомнил про рекомендательное письмо маршала Жукова, которое хранил у себя – с правом поступить в любой ВУЗ Советского Союза без экзаменов.

Поэтому, не долго думая, вооруженный столь авторитетным письмом, я без труда поступил в Политехнический институт и закончил его.

Стал инженером-автоматчиком. Начал работать по специальности. И хотя служебная моя карьера складывалась довольно успешно, постоянно испытывал какой-то дискомфорт.

И вот однажды в Одессе, гуляя на берегу Черного моря, мечтательно глядя на морские горизонты, я вдруг почувствовал, что инженерная работа тоже не для меня, что я должен с ней распрощаться и начать писать.

Писать – вот что я должен делать!

А случилось это – я даже помню число – 15 июня 1964 года в 3 часа дня.

С этого времени я и веду отсчет своей литературной деятельности, которая, грех жаловаться, в общем, сложилась неплохо.

За спиной – 10 опубликованных книг.

Как я стал членом Союза советских писателей?

Как-то приехала к нам в Кишинев бригада московских писателей во главе с Семеном Ляндресом, заместителем редактора журнала «Вопросы литературы». Кстати, он же отец известного писателя Юлиана Семенова. Случилось так, что Семен Ляндрес в порядке исключения прочел мою первую рукопись и сразу же рекомендовал ее к изданию. Вскоре вышла моя первая книга, затем появилась вторая. И в возрасте 34 лет я стал членом Союза советских писателей. Надо заметить, что к тому времени я уже был студентом литературного института, который – тут я должен покаяться – сразу же и бросил. Зачем, думал я, учиться в литературном институте, если тебя, можно сказать, уже и без учебы признали писателем?

Поэт Николай Рубцов

А в Литературном институте я был свидетелем такого случая. Николай Рубцов сдавал экзамен по русской литературе. Его спросили по поводу одного стихотворения: «Как вы ду-

маете, что тут Лермонтов выражал»?

На что Рубцов сказал: «Что выражал Лермонтов, я ответить не могу, потому что он – гений. А я всего лишь – талант».

Рубцов, конечно, великий талант, добавил бы я теперь, хотя пропил мою безрукавку, которая, честно говоря, мне очень нравилась. Видимо, понравилась она и ему.

Кстати, о нем еще такой интересный анекдот рассказывали. Когда ему выписали большой гонорар за его книгу «**Звезда полей**», он попросил, чтобы ему выдали его в мелких купюрах. Получился довольно солидный мешок с деньгами. И вот он с этим мешком приехал в общежитие Литинститута и заперся. Его друзья, желая отметить столь важное событие, ломались в дверь, трясли, стучали: «Николай, Коля, открывай!»! А он не открывает. Что-то там делает. Наконец, открыл дверь и выяснилось: он расстелил эти деньги по полу, ходил и разгребал их по частям: это матушке, это – сестричкам, это – еще кому-то, а это – на пропой.

Семь сорок

Одна из памятных страниц моей журналистско-литературной деятельности связана со строительством в Молдавии большого металлургического комбината, где я ощутил себя в полной мере и журналистом и писателем, принимающим участие в каких-то очень важных событиях.

Не обошлось и без курьезов. Первая плавка произошла в

семь часов сорок минут, о чем я добросовестно отрапортовал редактору центральной газеты. Он записал. А потом звонит перепуганный ответственный секретарь:

– Слушай, ну ты не мог сказать хотя бы – 7:39? Ну, что это за 7:40? Нас могут не так понять.

В общем, цифру скорректировали. Напечатали – 7:39. Во избежание аналогии с популярной песней «Семь сорок».

Возвращаясь к альманаху

Время, конечно, летит. Позади – одиннадцать выпусков. Одному было бы не одолеть такую дистанцию.

Назову имена тех, кто помогал и помогает мне в меру своих сил и возможностей:

Жена Анна Сквиренко, которая всю жизнь делит со мной все тяготы и невзгоды жены литератора.

Моя дочь – Вероника Бари, которая уже в 19 лет стала членом Союза российских писателей, опубликовав к тому времени уже две книги – «Светкина дурь» и повесть «Казармы и любовь».

В нашем журнале Вероника помимо повести «Я живу в Атланте», опубликовала очень хороший рассказ, который был отмечен в высокой московской литературной прессе Людмилой Овчаренко, доктором филологических наук. Она назвала Веронику Бари в числе самых интересных современных писателей из эмиграции, пишущих на русском языке.

География нашего журнала – Москва, Петербург, Киев,

Самара, Кишинев, Минск, Рига. В Америке – Бостон, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Атланта.

Журнал наш, увы, – бесприбыльный и безгонорарный.

Одним словом – на любителя.

Вместо послесловия

Совсем недавно я получил обрадовавшее меня сообщение о том, что литературный альманах «**На любителя**» награжден почетным дипломом Всероссийского литературно-театрального конкурса имени Виктора Розова «за популяризацию произведений русских писателей в диаспорах Дальнего Зарубежья».

Что тут скажешь?

Мне ничего другого не остается как поздравить своего коллегу Геннадия Сквиренко и его помощников со столь приятным событием.

Лев Рахлис, Атланта